

ZÁPADOČESKÁ UNIVERZITA V PLZNI

**FAKULTA FILOZOFICKÁ
BAKALÁŘSKÁ PRÁCE**

2017

Eduard Suzanskii

ZÁPADOČESKÁ UNIVERZITA V PLZNI
FAKULTA FILOZOFICKÁ
KATEDRA GERMANISTIKY A SLAVISTIKY

**Русские обценные выражения в сравнении с чешскими
(этимология, семантика, стилистика,
функциональность).**

BAKALÁŘSKÁ PRÁCE

Eduard Suzanskii

Cizí jazyky pro komerční praxi kombinace angličtina - ruština

Vedoucí práce: Doc. Mgr. Jiří Korostenski

Plzeň, 2017

Prohlášení

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci vypracoval samostatně. Literaturu a podkladové materiály použité při sestavování práce uvádím v příloženém seznamu.

Plzeň, 28. dubna 2016

Eduard Suzanskii

Poděkování

Děkuji vedoucímu práce Doc. Mgr. Jiřímu Korostenski, za metodické vedení a cenné podněty při zpracovávání bakalářské práce.

Оглавление

Введение	6
1. Этимология	10
1.1. Этимология основных русских матерных выражений	10
1.2. Этимология основных чешских матерных выражений	13
2. Классификация выражений	14
2.1. Общее деление	14
2.2. Класс № 1	16
2.2.1. Подкласс № 1	16
2.2.1.1. Посылки	16
2.2.1.2. Отказы	17
2.2.1.3. Индифферентивы	17
2.2.2. Подкласс № 2	18
2.2.2.1. Пейоративы	18
2.2.2.2. Божба	19
2.2.2.3. Междометия и вставки	19
2.3. Класс № 2	20
2.3.1. Местоимения и местоглаголия	20
2.3.2. Субститутивные обценные выражения с определённой семантикой	20
2.3.2.1. Чистое отрицание	20
2.3.2.2. Безразличие	21
2.4. Класс № 3	22
3. Функции мата в современном обществе	23
4. Практическая часть	26
4.1. Анализ произведений А.С. Пушкина	27
4.2. Анализ книги Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка»	30
5. Вывод из работы	32
6. Résumé	33
7. Список литературы	34
8. Приложения	35

Введение дипломной работы

Актуальность темы.

Актуальность и практический аспект проблемы мата в современном языке связаны с тем, что нецензурные выражения всегда считались «запретным плодом». Конечно же, для носителей языка это правило не было обязательным. Однако в печати, на телевидении и везде, где предполагается цензура, на обценную лексику существует строгое табу. Однако никакие запреты не смогли помешать «крепкому словцу» проявлять себя во всех слоях русского общества в качестве одного из самых эффективных способов «излить душу». Стоит заметить, что ругаются люди по-разному, в зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе. Очевидным является факт, что нецензурные выражения широко распространены среди обычных людей. Глядя на некоторые произведения А. Пушкина, И. Баркова, В. Белинского, Ф. Достоевского, В. Брюсова, Б. Пастернака, Я. Гашека можно понять, что аристократия весьма холодно относилась к запретам на мат, царская же или советская цензура могла только прятать всем известные и понятные выражения с помощью многоточия. Читателям же не составляло никакого труда понять, какое именно слово прячется под незамысловатым шифром, что приносило своеобразный эффект причастности к написанному.

Этой узнаваемостью читателями можно объяснить поразительную живучесть обценной лексики.

Об этом говорит тот факт, что большинство публикаций, содержащих в себе нецензурную брань, появлялись исключительно на Западе: «Лука Мудищев» И. Баркова, «Русские заветные сказки А.Н. Афанасьева, собрание русских «нецензурных» пословиц и поговорок В.И. Даля, былины, частушки и, разумеется, творчество тех литераторов-диссидентов, которые активно употребляли «крепкое словцо» в своих произведениях. Ненормативную лексику просто вырезают из любого произведения, несмотря на то что, в обиходном русском языке она занимает ведущее место и тот факт, что прояснение этимологии данных слов могло бы способствовать повышению «культуры речи» носителей языка.

Мат классиков русской литературы несёт, несомненно, больше художественной ценности, чем «нецензурщина» уличного забулдыги: иные функции, иные адресаты, иное понимание произносимого, но любом случае отделить одно от другого не представляется возможным. Мат А. Пушкина равно, как и ругань извозчика, виртуозный трёхэтажный мат моряков, повседневная заводская брань и эвфемизированные ласкательные женские фразы, вроде «ёлки зелёные», имеет один общий источник.

Некоторые современные литераторы говорят о том, что мат может исчезнуть, если он будет обычным в литературе. Например, В.В. Иванов писал: «Наш пород - бунтарь. Вот упрекают нас в том, что мы любим ругаться матерно. Да, и действительно ругаются много. И неслыханно много ругались на фронте. А почему? Бунтует, отрекается, ничего не признает запрещенного. А начни завтра выпускать, предположим, газету, - все газеты, где матерщина была б через каждую фразу, поморщились бы дня три - и перестали б ругаться» (Иванов В.В., 1987, т.8, с.470)

Несколько иначе мат определил писатель А. Королёв: «Мат есть публичное оскорбление сакральных запретов» (Королёв А. Оскорбление сакрального. Лит. газ., 2001, №15).

Одной из главных тенденций, которую ощущают все носители русского языка, является расширение сферы употребления нецензурной брани и некая «легализация» мата в СМИ и массовой культуре. Мат сегодня является своеобразной мерой раскрепощения русской общественной жизни.

На сегодняшний день нецензурная брань являет собой огромный пласт речи большинства людей. Использование мата является очень популярным. Например, по

данным ВЦИОМ, 12% респондентов часто употребляют мат в своей речи, 48% иногда обращаются к этому «запретному» языку, 40% ответили, что почти никогда не употребляют матерную речь. Таким образом, получается, что 100% опрошенных хотя бы раз, но употребили в своей речи «крепкое словцо».

Нецензурная брань в Чехии так же, как и в России, имеет повсеместный характер. На улице нередко слышны выражения разной степени вульгарность от людей всех полов, возрастов и социального положения.

Отмена табу на мат, которая наблюдается сейчас, является своеобразным проявлением демократизации общества. Количество попыток лингвистов разобраться в русской брани неуклонно растёт благодаря смягчению нравов «широкой общественности». У учёных впервые появилась возможность активно изучать это явление и делиться своими открытиями с обществом. В связи с этим появляется справедливый вопрос: не спровоцируют ли лингвисты более активное употребление брани путём разъяснения значений и происхождения ругательств? Надеюсь, что нет. В пользу моего предположения говорит то, что именно многовековой запрет на нецензурные выражения провоцировал его активное употребление. «Запретный плод сладок». Для человека, который ругается матом, важны не сами слова, а место, время и окружение, в котором выражения уместны. Так же многие «блюстители нравов и чистоты русского языка» используют ту же самую брань, но в виде эвфимизмов: «матушки мои», «ёлки-палки», «ё-кэ-лэ-мэ-нэ», «блин», «бляха муха», «ядрён батон», «японский городской», «послать на три буквы» - все эти слова определённо намекают на то, что у них есть более грубые «старшие братья». Данная языковая политика, по мнению лингвистов, является открытым лицемерием. Обнаружение тенденций развития современной речи, филологическое толкование и ненасильственная корректировка – вот главные задачи языковедов.

Объект и предмет исследования.

Объектом моей работы является матерная брань русского и чешского языка. Брань в повседневности и литературе. Современный матерный язык и те слова, которые являются исходными в формировании этого языка.

Предметом моей работы являются законченные речевые сегменты, которые имеют как минимум один обценный корень.

Цели и задачи исследования.

Целью моей работы является изучение феномена нецензурной речи в русском и чешском языке с точки зрения лексики, этимологии и функциональности и стилистики.

Для достижения указанных целей поставлены следующие задачи:

- 1) Разработать удобную для понимания классификацию матерных слов и выражений;
- 2) Изучить этимологический аспект русской и чешской брани;
- 3) Выявить различия и сходства в употреблении;
- 4) Исследовать функции употребления мата для человека.

Гипотезы.

- 1) Предполагается, что русская нецензурная брань обладает более широким морфологическим спектром, а чешская более разнообразна семантически;
- 2) Скорее всего, чешская и русская нецензурная лексика имеют общие праславянские корни, однако из-за влияния немецкого языка чешский мат отделился от общеславянских языков;
- 3) Возможно, что матерная речь имеет некоторые биологические функции «обезболивающего».

Методы исследования дипломной работы.

Методами исследования в моей работе являются:

- 1) Анализ научной литературы;
- 2) Анализ художественной литературы;
- 3) Изучение и обобщение отечественной и зарубежной практики;
- 4) Классифицирование;
- 5) Обращение к личному опыту;
- 6) Работа с научным руководителем;
- 7) Общение с носителями языков.

Структура бакалаврской работы.

Бакалаврская работа состоит из четырёх глав. Первые три главы теоретические, в каждой из них я буду поочерёдно разбирать этимологию, составлять классификацию и разбираться в функциях мата для человека.

Четвёртая глава практическая, в ней я проанализирую литературные произведения в двух языках и постараюсь понять, как именно мат употребляется в литературе. Далее следует вывод из работы.

Обзор разработки темы в научной литературе.

В силу действия тотальных запретов и табу заниматься русским матом с точки зрения филологии не представлялось возможным. Никакой информации, кроме дореволюционного словаря В. Даля под редакцией Бодуэна де Куртэне, для изучения представлено не было.

Перемены пришли вместе с гласностью в конце 80-х годов: в печать попала диссидентская литература А. Солженицына, Л. Копелева, Э. Лимонова, В. Аксёнова, С. Довлатова, Ю. Алешковского и многих других литераторов. Этим был спровоцирован разрыв «заговора молчания», которым был окружён русский мат. В последствие мат стал некой модой, благодаря активному появлению экспрессивных единиц языка во всех областях культуры: от СМИ до музыки и литературы.

Новое отношение сняло определённую часть табу с русского мата, но подлинных изменений не произошло. До сих пор ничего, кроме небольших словарей «на злобу дня», не издаётся. Исключением можно считать "Международный словарь непристойностей. Путеводитель по скабрёзным словам и неприличным выражениям в русском, итальянском, французском, немецком, испанском, английском языках", который весьма полезен, несмотря на то, что содержит в себе всего 150 слов, что говорит о том, что носит он сугубо ознакомительную функцию.

К сожалению, такое огромное количество материала, как русский мат не имеет квалифицированной переработки. В основном из-за перечисленных выше обстоятельств. За исключением вышедших за рубежом статей Б.А. Успенского, которые положили начало русской «обценнологии» (Успенский, 1983, 1987), и словаря В. Быкова, содержащего в себе немало «обценизмов» (Быков, 1992, 1994). Зарубежная «обценнология» проявляет немалый интерес к русской брани. К изучению этого вопроса филологов русистов толкают в основном практические мотивы. Данная лексика знакома в основном носителям языка, а вот студентам-иностранцам, которые изучают русский язык, эти слова незнакомы в силу того, что преподавание происходит на литературном русском языке, в который русский мат, разумеется, не входит.

Небольшие лексикологические справочники для иностранцев, которые не отражают полноты картины, но вполне чётко знакомят с русским матом, насчитывает уже большое количество изданий: (Drummond, Perkins, 1987; Elyanov, 1987; Galler, Marquess, 1972; Galler, 1977; Glasnost).

Филологическое изучение русской брани на Западе тоже насчитывает большое количество работ. Уже в начале XX века русский мат активно изучался в Германии, ему было посвящено две работы: статья Э. Шпинклера "Grossrussische erotische Volksdichtung" (Spinkler, 1911) и обширная работа В. Христиани "Uber die personlichen Schimpfworter in Russischen", опубликованная в журнале "Zeitschrift fur slavische Philologie" в 1913 году (Christiani, 1913). Одной из первых послевоенных статей на эту тему является статья А. Исаченко, которая анализирует русские ругательства, записанный немцем Герберштейном в 17 веке (Isatchenko, 1964): иностранных купцов и путешественников, которые вели дневники, составляли разговорники и делали заметки в ходе своих странствий, русский мат поражал своей экспрессией, образностью и многозначностью. Количество западной лингвистической литературы постоянно увеличивается: (Dreizin, Priestly, 1982; Geiges, Suworowa, 1989; Hopkins, 1977; Kaufman, 1981; Косцинский, 1980; Левин, 1986; Patton, 1981; Plahn, 1987; Raskin, 1978; 1979; Razvratnikov, 1980).

Глава 1.

1.1. Этимология основных русских матерных выражений

Нецензурная брать всегда была распространена в русском народе, особенно в деревне, где она не считалась сквернословием.

Весьма интересным видится наличие возможного влияния других языков на русский мат. Например, экспрессивный дублет «хуйня-муйня», который означает нечто пустяковое, простое, по мнению Ю. Плэна, был порождён влиянием тюркских языков, в которых похожие обороты очень активны. Понимание подобных деталей позволяет совсем иначе взглянуть на русский мат.

Однако нужно понимать, что мат не является приобретённым языком. Он имеет абсолютно праславянские корни, и появился задолго до начала отношений с тюркскими народами.

Главные «три кита» русского мата, несмотря на грубость значения, этимологически обладают вполне цензурными значениями: праславянское «*jebti*» изначально означало «бить, ударить, обмануть», «*huj*» (родственное слову «хвоя») – игла хвойного дерева или что-то, что колется, а «*pisda*» есть мочеиспускательный орган.

Глагол «*jebati/jebti*» является общеславянским. Как уже было сказано выше, он обладает двумя значениями:

- a. Бить, ударить
- b. Обманывать

На первый взгляд эти значения являются абсолютно разными, но при более подробном рассмотрении становится ясно, что связь достаточно сильная: «могу ударить, могу и обмануть». Разница лишь в том, что будет либо больно, либо обидно. В русском языке эти значения сохранились: «ебануть» - «ударить», «наебать» - «обмануть». Данные значения сохраняются в большинстве славянских языков, однако они не обладают ненормативным характером, а существуют как вполне легитимные слова. Например, если взять «официальный» орфографический словарь верхнелужицкого языка, то можно обнаружить следующие слова: «*jebaŕnu*» - «обманный», «*jebak*» - «обманщик», «*jebanj/jebanstvo*» - «обман/мошенничество», «*jebac*» - «обманывать» (Volkel 1981, s. 145).

Возможно, настоящая фамилия чешского поэта-символиста Вацлава Ебавого, который носил псевдоним – Оттокар Бржезина, может быть связана с этим корнем и значением.

В словаре верхнелужицкого языка, который составил Абрахам Френцель в 1693 – 1696 гг., корень глагола «*jeb-*» является абсолютно цензурным, имеющим значение «обманывать, вводить в заблуждение». В чешском языке существует корень «*job-*», который характерен для слов с похожей семантикой, но уже являющийся нецензурным. Также приводится семантика, которая, возможно, и вывела этот корень в «нецензурные»: не только «обманывающий» - *fraudo, fallo*, но и сам «заблуждающийся» - *erro*. Однако выражения этих значений в данной форме табуировались полностью во всех восточнославянских языках из-за перехода лексики, которая выражает эти значения, в инвективный разряд. «Матерное» значение глагол «*jebati/jebti*» скорее всего обрёл уже в общеславянскую эпоху, об этом свидетельствует его наличие в ряде славянских языков (болгарский, польский, сербский, чешский, все восточнославянские)

Кстати, это любимое выражение нобелевского лауреата И. Бродского: только в одной книге С. Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским» знаменитый поэт употребил это выражение около десяти раз. Правда, книга была сделана из магнитофонной записи двух мужчин, но вышла на очень широкую публику. Выражение это можно отнести к очень древнему периоду; конец эры матриархата и складывание патриархата. И значение его уже в ту пору было отнюдь не похабным, а скорее имущественным. Обладающий матерью рода становился хозяином рода. Поэтому древнее значение выражения *job tvoju mat'*

необходимо было понимать как; «я теперь ваш отец» или «я теперь - хозяин всего, что вам принадлежало» Кстати, несколько иную, но близкую трактовку данной ситуации давал и Д.К. Зеленин: «Так называемая матерная русская брань равносильна, собственно, бранным выражениям: молокосос, щенок и т.н., подчеркивающим юность и неопытность объекта брани. Ругающийся выставляет здесь себя как бы отцом того, кою он бранит, неприличная формула матерной ругани означает собственно: я твой отец! точнее: я мог быть твоим отцом!» (Зеленин Д.К., 1930, с. 18-19). Мы не имеем прямых доказательств этому в ранних письменных источниках, но позднейшие исторические факты красноречиво свидетельствуют об этом. Так, великий князь Владимир начал править в Киеве после убийства родного брата Ярополка, женившись на его невесте Рогнеде и взяв в наложницы его жену гречанку Анну, уже беременную и затем родившую ему сына убиенного Ярополка - Святополка. Князь Мстислав (сын Владимира Мономаха), убив касожского (адыгского) князя Редедю, в жены взял себе жену убитого, притом, что очень важно, уже имевшую от Редеди двух сыновей. Мстислав назвал пасынков Юрием и Романом, позднее выдал за последнего свою дочь.

Поэтому проницательный знаток истории славянской лексики Р. Брандт, сопоставил глагол **jebati/jebti* с древнеиндийским *jabh (jabhati-te)*, заметил: «Как переходное значение для чешско-лужицкого слова приходится выставить «ругаться по матерному», предполагая существование матерщины у праславян и отказываясь от объяснения её у русских и у сербов заимствованьем у татар и у турок» (Брандт Р., 1915. с. 355).

С таким значением этот глагол вошёл в ругательный фразеологизм *job tvoju mat'*. Выражение это относят к появлению в обществе патриархальных устоев. Значение его было уже скорее имущественным: «я теперь - хозяин всего, что вам принадлежало». Предполагают также, что оно носило оскорбительный оттенок.

По мнению автора статьи, изначально слово обозначало лишь «обладание властью не в своём роду», а оскорбление носит вторичный оттенок.

То же выражение со словом «пёс» носило уже уничижительный оттенок по отношению ко всему роду (отсюда выражение «сукин сын» и прочее).

Именно после приобретения данного значения слово стало табуироваться.

Все слова, связанные с обозначением гениталий, также имеют общеславянские корни: «Известное же для русского языка слово «хуй, хуя» этимологически трактуется как родственное лит. *skuji* 'хвоя', примечательным является рефлекс этого слова в албанском *hu* 'кол', *membrum virile*; здесь мы видим то же семантическое развитие, что и в исп. *saḡajo*, возводимом к гр. *χαράκιον*, деминутиву от *χαράξ* 'кол'. Данное русское слово относится, таким образом, к группе слов, объединенных вокруг индоевропейского **skēu-* 'быть острым' и согласуется с распространенной семантической моделью» (Подвальная Е., 1996, с. 78).

Название женского полового органа происходит от общеславянского глагола **pi'sati*. В результате редукции глухой *s* перед звонким *d* получил озвончение (*z*).

По-иному лексема трактуется Е.Подвальной. По её мнению, нужно рассматривать этимологию этого слова от полабского *peizda*: «...оно объясняется либо как приставочное образование от **sed-* [**pi-sod-a*], либо как композит от **pes-* 'membrum virile' [**pe(i)s-(s)tha*]».

По болгарским данным, таким образом часто называют расщелину в скале, из которой течёт вода: Пизда, Пиздина Вода, Пиздица, Пиздишка ряка.

Что касается слова *тапда*, то А. Фаловский считает польским заимствованием. Также мужской половой орган *mude* считается польского происхождения. Слово же *mudak* ранее обозначало мужчину со слишком большой мошонкой, которая мешала ему в хозяйственных работах.

И, наконец, о том слове, которое сейчас повсеместно заменяется эвфемизмом *блин*. О нем и его происхождении хорошо сказал В.В. Колесов: «Кстати, и известное слово, именуемое распутницу, по происхождению - высокий славянизм, и до XV в. оно имело значение «лжец, обманщик» (что связано с общим значением корня, того же, что и в слове - *зablуждение*)» (Колесов В.В., 1991, с.77). И действительно, в русском языке сохранилось слово *блудить*, первое значение которого было - «зablуждаться, стоять на распутьи и не знать истинной дороги». Второе же значение его уже телесное - буквально «распутничать». Польский язык тоже сохранил первичное значение этого корня: *błąd* - «ошибка, зablуждение», *błąkas* - «блуждать, бродить без цели», отсюда сравните русск. *блукать*, *błedny* - «ошибочный, неверный» и *błednik* - «лабиринт, ошибочный или непонятный путь». Далее В.В. Колесов говорит о проблеме фиксации этого слова в словарях: «В прямом значении оно употреблялось долго, но во времена бироновщины исчезло из книг как слово непристойное. Академические словари его не включают, но «Словарь русского языка XVIII века» дает его со всеми производными, оговаривая, что после 30-х годов оно стало непечатным» (там же, б. 78). Однако в народе это слово живет полнокровной жизнью. Используется оно в двух значениях: 1) распутная женщина, 2) просто междометие, лишённое какого-либо смысла, но повторяемое через слово. Поэтому вполне закономерно прозвучала победная реплика капитана В. Макова о действительно первом водружении красного полотнища над еще не совсем поверженным рейхстагом: «Куда водружать? На фронте увидели конную женскую статую. В ее корону знамя и установили. «Воткнули в голову какой-то немецкой б...» - лаконично доложил по радиации капитан» (Осипов С., 2003, №19, с. 6).

По мнению Ю. Алешковского, данные слова являются сакральными и запрет на их употребление выглядит странным. С ним солидарны А. Королёв, В. Сорокин и другие. Некоторые деятели (И.А. Бунин, А.А. Реформатский) даже составляли словари мата. Другие же (А.П. Чехов, Б.Л. Пастернак и другие) относились к нему исключительно негативно.

Автор приходит к выводу, что матерная лексика – составная часть великого русского языка, которую следует изучать лингвисту. Он подчёркивает, что в художественной литературе она может найти применение, если без неё наносится ущерб произведению.

Анализ нецензурной брани современных славянских языков показывает всеобщий славянский характер обценных выражений. К примеру, словарь сербской бранной фразеологии, который был составлен Неделько Богдановичем, показывает, что у сербского и русского мата весьма близкая лексика и модели обценных выражений. Для сравнения приведём несколько фраз: «У уста те жебем, Жебем те у дупу, Мајку ти жебем» (Богдановић 1998, с. 18,19,24). То же самое сходство наблюдается и у моделей ненормативной лексики словацкого языка: «jebat' koho i bezpred; jebat' koho, čo» (Hochel 1993, s. 91) и польского мата «jebac (kogo) «kopulowac» (Tuftanka, 1993, s. 37). О польском мате Липницкая высказалась: «В Польше есть специалисты, способные крыть матом, не повторяясь, в течение получаса, но эта способность связана скорее с профессией, нежели с национальностью, и тут лидируют военные, водопроводчики и врачи. Правда, если поляк хочет выругаться по-настоящему, он использует русский мат» (Липницкая Е. 2001, с. 68).

1.2. Этимология основных чешских матерных выражений.

Этимологически чешский мат отличается от русского тем, что на протяжении долгого времени он, как и весь чешский язык, подвергался большому влиянию языка немецкого. Однако говорить, что чешский мат полностью состоит из немецких заимствований, нельзя. Так как влияния немецкого языка распространилось в основном на то, что считается матом в чешском языке, но не на сами слова. Иными словами можно сказать, что многие слова из тех, что не считаются матом, например в русском языке, в чешском из-за влияния немецкого языка стали абсолютно вульгарными и неприемлемыми.

Для этимологического анализа я взял основные слова чешского матерного языка: «kunda», «řiča», «prdel», «hajzl», «hovno», «srat», «čůrák».

«Kunda», скорее всего, произошло от немецкого слова «kunt» (женский половой орган). Однако в древности это слово имело несколько иное значение: например в Валашской области этим словом крестили своих дочерей, а в городе Клодзко в Польше это слово служило обозначением молодой девушки. BARET, Daniel. Kunda – velký jazykový a významový rozbor oblíbeného slova prezidenta Miloše Zemana. ISSN 1213-8991

Слово «řiča» находится в ряду с несколькими словами, обладающими схожим значением, написанием и произношением. Чешские слова «řipina», «řindík», словацкое слово «řiča», польское «řiczka», остравское «řitka», сербскохорватское «řička», болгарское «řička», русское «řičuga», венгерское «řicsa», словенское «řisek», латышское «řincis», испанское «řicha», английское «řizzle». Данный факт ставит в весьма затруднительное положение при попытке выяснить изначальное происхождение этого слова, однако, если посмотреть на его наличие в большинстве славянских языков, то можно предположить, что данное слово уходит своими корнями в древний праславянский язык. Однако существует несколько гипотез относительного этимологии этого слова. Например, Йиржи Рейзек в своём труде «Český etymologický slovník» (ISBN 80-85927-85-3, 2001) предполагает, корень «ři» характерен для слов, имеющих значение «ходить по маленькому», а также слов, которые обозначают половые органы.

Определённо точно можно сказать, что слово «hovno» имеет праславянские корни. В том же этимологическом словаре чешского языка Йиржи Рейзек пишет, что слово образовано с помощью корня «gov», имевшего значение «скот, скотина». Изначально слово обозначало «помёт скота», а в последствие стало обозначать абсолютно любые экскременты. Стоит отметить, что данное слово имеет омоним в русском языке – слово «говно», но примечательно, что в русском языке данное слово скорее считается просто «неприличным», но никак не матерным. Свою «матерность» слово «hovno» скорее всего получило из-за влияния немецкого слова «Scheiße», которое имеет несколько иную, более сильную, бранную мощь, нежели русский эквивалент.

Слово «prdel» также обладает русским омонимом «пердак», которое редко используется, заменяясь на слова «жопа» и «задница», и не является матерным. Чешский глагол «prdět» тоже имеет свой русский омоним «пердеть». Данный факт безусловно наталкивает на мысль, что все эти слова имеют общее происхождение. Об этом утверждает Рейзек в своём словаре, так сказано, что существует старославянское слово «pъrdět», уходящее своими корнями в индоевропейское слово «perd» (prdět/пердеть).

Глава 2. Классификация выражений

2.1. Общее деление.

Для составления понятной классификации обценных выражений в их семантическом и коммуникативном аспектах следует понимать только законченные речевые сегменты, которые имеют как минимум один обценный корень.

Учёные-филологи выделяют две группы матерных языков Европейской языковой семьи:

1. «Анально-эксcrementальный» тип (Scheiss-культура);
2. «Сексуальный» тип (Sex-культура).

В этой классификации русский, сербский, хорватский, болгарский и другие «обценно-экспрессивные» лексические системы относятся ко второй группе. К первому относят чешскую, немецкую, английскую, французскую обценную лексику. При этом стоит отметить, что данные границы весьма условны и размыты в силу крайне высокой степени динамичности матерного языка, которая размывает чёткость определения. Так например в чешском языке набор бранных слов был более «сексуальным» ранее, и лишь позднее, находясь под влиянием немецкого языка, произошла его «анализация» (если данное выражения можно использовать, подразумевая термин anus). В русском мате в последнее время также наблюдается появление к Scheiss-культуры, вызванное появлением в кинопрокате большого количества англоязычных фильмов, несущих в себе Scheiss-культуру и справедливо переводимых на русский язык с помощью слов «говно», «дерьмо», «срань» т.д.

Ядро русской бранной лексики составляет ярко-выраженная «сексуальная» триада слов: *хуй – пизда – ебать*. Количество же производимых из этих слов эвфемизмов действительно близко к бесконечности, обусловлено это тем, что новые слова постоянно генерируются живой речью. Вот неполный ряд слов, которые образованы от глагола «ебать», который приводит В. Раскин (Raskin, 1978, 322): *ебануть, ебануться, ебаться, ебиздить, ёбнуть, ёбнуться, ебстись, въебать, выебать, выебываться, доебать, доебаться, доёбывать, заебать, заебаться, наебать, наебаться, наебнуть, наебнуться, объебать, объебаться, остоебенить, остоебеть, отъебать, отъебаться, переебать, переебаться, поебать, поебаться, подъебать, подъебаться, подъебнуть, разъебать, разъебаться, съебать, съебаться, уебать*.

Становится понятно, что данный глагол динамически целиком отражает словообразовательную парадигматику глагольной речи русского языка. Схожи его словообразовательные потенции в других разрядах: *долбоёб, ёбарь, ебатура, ебальник, заёб, мудоеб, поебон, ебливый, приёбливый, поёбанный* и т.д.

Во фразеологии также можно наблюдать «триадность» русского мата. Данное проявление носит весьма активный характер. Шифрование «трёх китов русского мата» в литературе не случайно происходит именно с помощью трёх точек. Одним же из самых популярных эвфемизмов первого члена «триады» является оборот «три буквы». Фраза «послать на три буквы» сегодня стала весьма популярной.

Когда мы говорим: «Некто смачно выругался», - мы понимаем не только тот факт, что Некто произнёс определённые слова, т.е. совершил локутивный акт, но и подразумеваем, что было совершено определённое действие, иначе говоря, произошел акт иллокутивный. Не зря в просторечии слово «выражаться» обрело самостоятельный статус, который имеет слово «нарушать», уже заведомо имеющее свойство выражения некоего действия. Мат по своей функции близок к перформативам, т.е. нецензурное высказывание является одновременно поступком и действием. Брань имеет свойство объединяться в разные типы высказываний признаками стилистическими. Так обценный стиль есть лишь некоторое поверхностное выражение более глубокий обстоятельств.

Для наглядного примера можно сравнить три ругательства и их значения:

1. *Не желаю иметь с того ничего общего – иди на хуй!*
2. *Ты ничего не получишь – хуй тебе!*
3. *Ты плохой, недостойный человек – ах ты, сука ёбаная/ебаная!*

Видно, что общее пропозициональное содержание и иллокутивную силу с «цензурными» выражениями брань не только стилистически маркирована. Самое существенное то, что говорящий не просто грубо выражается, но и выражает своё желание выразиться именно таким грубым способом, иначе говоря, совершить «акт грубости», «бранный иллокутивный акт».

Во всём великом множестве обценных выражений можно выделить два основных класса:

1. Ругательства – выражения, имеющие непосредственно бранную иллокутивную силу, употребляя которые, человек совершает самостоятельный речевой акт;
2. Субститутивные обценные выражения – синонимичные обычным выражениям фразы, отличающиеся особой экспрессией, но не являющиеся самостоятельными частями речи.

Разницу между данными классами можно объяснить на примере словосочетания «на хуй». Обценное выражение «иди на хуй» относится к первому классу, так как при замене на любое другое более нейтральное выражение (например, «иди к чёрту») бранная иллокутивность сохраняется. В случае же с фразой «на хуй мне это не нужно» возможна замена на абсолютно нейтральную фразу «зачем мне это нужно».

2.2. Класс №1.

Классификация составлена и дополнена мной на основе работы В.Ю. Левина «Об обценных выражениях русского языка». (Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. - М., 1998. - С. 809-819)

Классификацию выражений первой группы можно составить на основе двух пар дифференциальных признаков: наличие/отсутствие и направленность на собеседника. Для большей наглядности приведена таблица:

Направленность/Цель	+	-
+	1 А. Посылки Б. Отказы В. Индифферентивы	2 Пейоративы
-	3 Божба	4 А. Междометия Б. Вставки

2.2.1 Подкласс

2.2.1.1.Посылки.

Глагол движения в форме императива	Местоимение	Обценное обстоятельство места
<i>иди</i>		<i>на хуй (хер, хрен)</i>
<i>пошел</i>		<i>в пизду</i>
<i>катись</i>	<i>ты</i>	<i>в жопу</i>
<i>шел бы</i>		<i>к ебене матери</i>
...		...

Необценными эквивалентами названных выше обстоятельств являются выражения: «к чёрту», «в болото», «куда подальше», «на фиг». Литературным или пристойным эквивалентом является выражение «пропади ты пропадом».

Семантическое ядро посылок – это отстранение адресата от адресанта.

Объяснение значения: выражение отрицательного отношения к адресату и выражение нежелания ни видеть, ни слышать и не иметь с ним никакого дела (вообще или в конкретной ситуации). Выражение требования, чтобы человек повёл себя так, чтобы желание было исполнено; одновременно выражается желание оскорбить.

Посылки являются одновременно и директивами и экспрессивами.

При прямом употреблении адресат посылки является собеседник, однако возможно и «косвенное» употребление, т.е. в адрес третьего лица. В этом случае семантика сохраняется, однако ослабляется иллокутивная сила, так как прямой акт оскорбления человека меняется на выражающий определённую бессильность акт попытки оскорбления отсутствующего человека. Это своеобразная «отмашка», но это влияет на семантику: посылка в таком употреблении приближается в своём значении к индифферентиву. Подобное изменение директивной иллокутивности в сторону сближения и индифферентивами также замечается в формах посылок «шёл бы ты...» и «а ну тебя...»

В чешском языке данный подкласс выражен словосочетаниями «*jdí do říci*», «*jdí do prdele*», «*vlez mi na zada*». Семантические свойства чешских посылок схожи с русскими: они выражают ментальное отстранение, неприязнь к адресату и также обладают сильной

долей экспрессии. Единственным отличием является то, что для чешских посылок характерна не Sex-культура, а Scheiss-культура высказываний.

2.2.1.2 Отказы.

К этой категории относятся выражения: «хуй тебе», «(а) хуй не хочешь?», «хуй на», «хуй тебе на воротник» и другие обценные формы отказа не обладают пристойными эквивалентами, кроме эвфемистических с корнем «фиг» («фиг тебе», «фигушки!»).

Объяснение значения: отказ в просимом с сопутствующим желанием оскорбить.

Отказы не случайно основываются на корне «хуй», это связано с наличием ярко выраженной семантемы отрицания в семантическом спектре.

Обценные формы сильно конативны и практически не переводимы в форму третьего лица.

Отказы чешского языка слабо выражены. Большого количества выражений не существует. Из известных мне отказов можно таковым посчитать слово «vymrdej», которое, по сути, обладает значением отказа сугубо в определённом контексте.

2.2.1.3 Индифферентивы.

К этой группе относятся выражения: «хуй с тобой», «ебись оно конём» «ебись ты в рот».

Пристойные синонимы: «чёрт/Бог с тобой»

Данная группа характерна выражением ментального отстранения адресанта от адресата.

Семантика эти обценных выражений очень расплывчата и ситуативна. Эти выражения означают безразличие, самоотстранение, неохотное согласие, в зависимости от ситуации.

Бранная иллокутивная сила в данном случае слабо выражена, соответственно перевод в третье лицо является вполне возможным.

Индифферентивы чешского языка выражены фразами: «ne ser mě», «na to ti seru». Здесь, как и в случае с посылками, наблюдается полная принадлежность высказываний к Scheiss-культуре.

2.2.2 Подкласс.

2.2.2.1 Пейоративы.

К пейоративам относятся обценные выражения, которые направлены на адресата, но не обладающие конкретной прагматической целью, имеющие только экспрессивную и конативную (оскорбление) цель; она являются некими «характеристиками» или ругательствами в узком смысле слова.

С точки зрения синтаксиса пейоративы – это именные группы, которые могут накапливаться в любом количестве и сочетаться друг с другом произвольно, выполняя роль приложения, обращения или именного сказуемого.

Наиболее типичным контекстом данного выражения является фраза «ах, ты» с последующим ненормативным содержанием.

Пейоративы возможно применять ко второму, третьему и даже первому лицу.

Так же можно выделить три группы пейоративов-существительных, однако границы между ними размыты и существуют в основном на бумаге.

a. Оценки умственных качеств или способностей адресата. Выражения, синонимичные таким необценным ругательствам, как «дурак» или «растяпа» и т.д. Примеры: «мудак», «мудила», «распиздяй», «долбоёб».

В чешском языке данная подгруппа выражена менее бранными, чем русские эквиваленты словами: «imbecil», «debil», «kreten», «levej». Заметно, что в русском языке присутствуют омонимы большинства названных выше слов: «имбецил», «дебил», «кретин», однако, бранная сила в таких словах заметно меньше, в связи с чем, причисление этих слов к матерным невозможно.

b. Оценка нравственных качеств. Выражения, синонимичные таким необценным ругательствам, как «сволочь», «гадина». Примеры: «блядь» («блядюга», «блядина»), «сука», «курва», «говнюк», «говноед».

Чешские пейоративы данной категории выражены словами: «hajzl», «svině», «zmrť», «šurak», «srače», «kurva», «šlapka», «fena», «coura». Здесь стоит заметить, что в данной категории выражения Scheiss- и Sex-культур находятся в равных долях. Также интересно слова «kurva», имеющее в русском языке идентичный омоним «курва».

c. Без определённого смыслового значения: «пидармот», «манда», «разъебай», «хуйло», «хуепутало».

Пейоративов не имеющих определённого значения в чешском языке нет, но можно сказать, что, в зависимости от контекста, говорящий может и не вкладывать никакого определённого значения в любое из названных выше слов.

Данные пейоративы обладают тенденцией к притягиванию прилагательных, как правило, в постпозиции в обоих языках.

Такие же выражения, как «хуй» и «пизда» или «hajzl» и «kurva» практически не употребляются без определений.

В русском языке прилагательные, которые употребляются с пейоративами «хуй», «пизда» сами могут быть:

- I. обценными: «ёбанный хуй в рот», «сранный хуй в рот», «блядская пизда»;
- II. Могут иметь просто оскорбительный характер: «вонючий хуй», «хуй собачий», «позорная пизда», «блядь косорылая»;
- III. Могут быть относительно нейтральными: «старый хуй»;
- IV. Могут иметь «уточняющую» характеристику или «орнаментальный» окрас: «хуй моржовый», «хуй голландский», «ушастая пизда».

Для чешского языка характерно использование преимущественно обценных прилагательных, самым распространённым является прилагательное *zasraná/zasraný*.

Относительно применения к третьему лицу, особенно к неодушевлённым предметам, пейоративы теряют свою иллокутивную силу.

2.2.2.2 *Божба.*

К данному классу относятся обценные выражения, которые употребляются в качестве клятвы или уверения в истинности.

Примеры: «бля буду», «сукой буду», «ебать меня в рот», так же к данной группе относятся эвфемизмы, как «в рот мне три кило печенья» и т.д.

Семантическая экспликация фразы «бля буду, А», «бля буду, если не А», где «А» - утверждение или данное слово. Структура данной божбы такова: если не А, то считай меня (или я сам себя посчитаю) плохим человеком.

Также возможно обратное употребление в сторону адресата: «сукой будешь, если...», «блядью быть ему, если...».

Необценные эквиваленты: «провалиться мне на этом месте», «разрази меня гром», «лопни мои глаза», а также совсем далёкие «ей-богу», «клянусь», «честное слово». Любопытно, что обценные выражения данной категории предполагает «моральное наказание» за неисполнение данного слова «пусть я буду плохим», в то время, как цензурные эквиваленты предполагают «физическое наказание» - «пусть мне будет плохо». Характер моральной кары также представляется весьма интересным, так как предполагает отождествление виноватого с доступной/продажной женщиной – «блядью».

Чешская божба «*ať se proradnu*» не является обценной, однако стоит отметить, что она, как и русская необценная божба, предполагает «физическое наказание».

2.2.2.3 *Междометия и вставки.*

Представляет собой группу обценных выражений: «ёб твою мать!», «етить твою мать!», «ебическая сила!», «блядский род!» и др. (и их эвфемизмы: «ё-моё», «ёлки-палки», «ёлки зелёные», «ё-кэлэмэнэ», «японский бог/городовой»), а также необценные «чёрт», «чёрт возьми/побери». В данной группе слов в чешском языке характерны выражения «*kurva*», «*do prdele*», «*to mi posere*», «*z toho bych se posral*», «*to je snad prdel*».

Употребляются в двух до известной степени противоположных функциях.

- a. Выражение непосредственной эмоции – удивление, возмущение, восхищения, неудовольствия и т.д., ненаправленные и не имеющие прагматической цели. Подобные обценные междометия могут сочетаться к любым обычным междометием, например, «ах», «ах ты» и т.д.

Интересно, что в чешском языке структура «местоимение + обценное выражение» очень популярная.

- b. Семантически и даже экспрессивно являются абсолютно пустыми вводными оборотами – вставками в связный текст. В данном случае им возможно приписать метаязыковую функцию» утверждение кода как «матерного»; поэтическую функцию: украшение речи.

При всём различии, а и b схожи отсутствием референтной и конативной функций. При этом реальной разницы в употреблении а и b не существует, граница сильно размыта, так как между экспрессивным и вставочным употреблением существует непрерывная градация переходов. Например, фраза «во, бля, погодка» - возможны два значения: очень хорошая или очень плохая погода, где «бля» близко по значению к чисто экспрессивному. В фразе «он, бля, сказал, бля...» значение фразы напрямую зависит от отношения говорящего к объекту высказывания, в зависимости от этого «бля» может варьироваться от экспрессивного выражения до нейтрально-вставочного.

Выводом является предположение, что употребление обсценной лексики в качестве вставки может выполнять функцию выражения «матерного взгляда» на жизнь и/или является сигналом соответствующего отношения к предмету сообщения.

2.3. Класс №2.

Субститутивное употребление ненормативной лексики не предполагает рождения самостоятельных речевых актов. Данные речевые сегменты являются ненормативными синонимами обычных, цензурных слов и фразеологизмов. При этом существуют две категории:

- 1) Местоимёное и местоимённое употребление обсценных выражений;
- 2) Употребление с определённой семантикой.

2.3.1 Местоимения и местоимения.

Обсценные слова, которые имеют местоимённую функцию, замещают собой практически любые именные и глагольные значения. Собственно местоимением выступает слово «хуй», которое может замещать почти все одушевлённые существительные мужского рода; неодушевлённые существительные любого рода могут замещаться словом «хуёвина» («поебень», «херовина»). Последнее слово нейтрально с точки зрения оценивания, «хуй» же является, как нейтральным: «смотри, какой-то хуй там стоит», - и может нести слабовыраженную отрицательную оценку: «тут один хуй ко мне приходил».

Для одушевлённых существительных женского рода характерны понятия «пизда» и «блядь», оба понятия чаще всего носят в себе отрицательную оценку: «вчера я встретился с этой пиздой/блядью», - а так же колыблются между местоимённым и пейоративным значением.

Местоимениями являются в основном глагол «ебать», а так же его префиксальные и суффиксальные производные (прим. «заебенить») и производные от слов «хуй» и «пизда»: «захуярить», «пиздануть», «пиздячить» и др. С семантической точки зрения, корни остаются пустыми, а само значение слова зависит от префикса или суффикса, а так же с помощью контекста.

В чешском языке обсценные местоимения отсутствуют.

2.3.2 Субститутивные обсценные выражения с определённой семантикой.

Даже поверхностное наблюдение показывает, что обсценные выражения используются в основном для выражения «негативных» значений, которые содержат в себе «отрицание», несмотря на всю широту их семантического спектра. Отрицание может быть, как логическим оператором, так и отрицанием «положительного» или «нормативного» качества. Так же может выражать отсутствие и ликвидацию «казуирование отсутствия» чего угодно.

2.3.2.1 Чистое отрицание.

Случай, в котором обсценное выражение является субститутом отрицательных или вопросительных местоимений. Чаще всего структура выглядит так: слово/корень «хуй» с добавлением отрицательной частицы.

<i>хуй (получишь, заработаешь, разберешь, ...)</i>	= не или ничего не ...
<i>(он) хуй (придет, ...)</i>	= не
<i>хуй (знает, ...)</i>	= никто не
<i>ни хуя не (знаю, поймешь,...)</i>	= ничего

<i>ни хуя (нет)</i>	= <i>ничего</i>
<i>ни хуя (себе)</i>	= <i>ничего</i>
<i>не хуя (жрать, стоять тут, ...)</i>	= <i>нет (глагол) или нечего, незачем</i>
<i>на хуй (нужно, мне это,...)</i>	= <i>не, незачем</i>
<i>на хуй + глагол со значением "ликвидации" (ликвидировать, прогнать, убрать, выбросить,...)</i>	= <i>усиление отрицательного глагола (напрочь, совсем)</i>
<i>хули (говорить, делать, ты пристал, толку,...)</i>	= <i>незачем или (в вопросе) зачем (с коннотацией 'незачем')</i> .

То же чистое отрицательное значение наблюдается во фразеологизмах типа:

<i>(ты меня) за хуй (не считаешь)</i>	= <i>ни за что</i>
<i>хуй ночевал (в холодильнике); от хуя уши</i>	= <i>ничего (нет)</i>
<i>(а это что,) хуй собачий? (в ответ на просьбу)</i>	= <i>ничто</i>

В большинстве случаев (не фразеологических) «хуй» можно заменить на «чёрт»: «на черта», «к чёрту», «не черта», «ни черта не», «чёрта ли», - иногда с прилагательными: «чёрта лысого ты получишь». Так же в большинстве случаев возможна замена на «фиг».

Иногда слово «хуй» несёт в себе отрицательное значение само по себе: «хуй получишь», «на хуй мне это надо». Однако существуют семантически пустые выражения, которые требуют наличия отрицательных частиц: «ни хуя не знаю», «нехуй тебе тут делать».

Эта группа употреблений соотносится с обценными выражениями первого класса с отказной семантикой: «хуй тебе», «хуй на!», «а хуй не хочешь?», «хуюшки» и т.д.

Чистое отрицание в форме обценного выражения в чешском языке полностью контекстуально, в зависимости от ситуации, практически любое матерное чешское слово может выражать отрицание. Наиболее часто употребляемым в этом значении словам считается слово «hovno».

2.3.2.2 Безразличие.

Выражение отсутствия положительного или вообще какого-либо отношения к объекту разговора. Сюда можно отнести лексемы и обценные выражения следующих типов:

- а. Слова, чаще всего глаголы, которые описывают резкие изменения, происходящие в худшую сторону в своём физическом или ментальном состоянии, а также события, которые непосредственно приводят к подобным состояниям.

<i>Расхуячить, распиздячить, распиздошить и др.</i>	= <i>разбить, сломать, уничтожить</i>
<i>хуякнуть(ся), ёбнуть(ся)</i>	= <i>ударить(ся), упасть</i>
<i>ебнутый, стеганутый</i>	= <i>"ушибленный" (ментально)</i>
<i>отхуячить, отхерачить</i>	= <i>избить</i>
<i>хуяк (камнем в рыло)</i>	= <i>бац...</i>
<i>хуякс (в обморок)</i>	= <i>упасть</i>
<i>охуеть</i>	= <i>внезапно прийти в состояние недоумения, крайнего удивления</i>

<i>вьебать</i>	= <i>врезать, ударить</i>
<i>пиздануть</i>	= <i>ударить</i>
<i>испиздить</i>	= <i>избить</i>
<i>пиздец</i>	= <i>конец (как результат деструкции)</i>

В чешском языке существуют только фразы, выражающие изменение в худшую сторону: «posralo se to», «zkurvit», «posrát», «rokurvit», «rojebat».

- b. Дальнейший ряд слов, который относится к группе: «украсть» - «спиздить», «обмануть» - «наебать»/«vojobat»; «мучить», «измучиться», «устать» - «ебать, уебать(ся), наебаться»; «надоело» - «заебало»/«já se na to můžu výsrát», «ať s tím už jdu do prdele»; «тяжело работать» - «хуячить», «вьёбывать»; «до изнеможения» - «до охуения»; «хвастаться», «выпендриваться» - «выебываться»; «уходить» - «убывать» (обычно в императиве)/«jít do prdele»; «поддевать», «провоцировать», «провокация» - «подьебывать, подьебка и мн. др.

Заметно то, что антонимы «приличных» эквивалентов слов, перечисленных выше, такие как: «взять», «подарить», «сказать правду» - обычно субститутов не имеют.

2.4 Класс № 3.

Данный класс состоит из слов и выражений, которые по тем или иным причинам сложно отнести к какому-либо из вышеназванных.

- a. Чешские выражения «vole», «krava». Уникальность этих выражений состоит в том, что они не только могут иметь местоимённую функцию, но и в сочетании с местоимением «ty» приобретают функцию вставки или междометия, которую в русском языке выполняет слово «бля».

Интересно, что фразы «ty vole», «ty krava» в чешском языке также являются обращениями, не имеющими аналогов в русском языке.

Факт того, что эти слова имеют множество разных функций и значений вынуждает меня вынести их в отдельную группу.

- b. Выражения, состоящие из нецензурных слов, но имеющие неожиданное значение.

Одно их таких предложений характерно для остравского населения. «Říča v řící, říšo» - данное предложение, несмотря на абсолютно обценную форму имеет абсолютно цензурное значение: «Меня бросила девушка, друг».

Глава 3. Функции мата в современном обществе.

При подготовке первого полета на планету Марс, в 60-х годах XX века, на корабле с искусственной силой тяжести, были проведены многонедельные эксперименты в наземном динамическом имитаторе межпланетного корабля (в квартире-центрифуге диаметром 20 м). Люди (испытуемые), которые работали и жили там, оказывались в состоянии тяжелейшего непрерывного стресса-кинетоза («болезни укачивания-укручивания»). У них наблюдались тошнота, рвота, головные боли, общая слабость, ощущение ломоты в теле, ухудшение настроения и взаимоотношений.

Кратковременные эротические фантазии и переживания уменьшали выраженность этих симптомов. Эротические переживания возникали у испытуемых во время посещения вращающейся квартиры, врачей-женщин, психологов-женщин, если те вызывали симпатии у испытуемых. В отличие от «генеральских визитов», в подобных случаях положительный эффект сохранялся долго, точнее, до конца дня, а подчас и на следующее утро без синдрома отдачи.

Венгерские нейроэндокринологи К. Лишак и Э. Эндречи в 1967 году, обнаружили антагонизм между мужскими половыми гормонами (андрогенами) и «гормонами стресса» (кортикостероидами). Этим объясняется уменьшение симптомов дистресса при эротическом возбуждении, описанном в предыдущем абзаце. С таким антагонизмом, скорее всего, связана возникавшая при дистрессе у некоторых испытуемых склонность к "кривляньям", мату, которую они никогда не проявляли в обыденной жизни.

В связи с обнаружением «матерного феномена», врачи провоцировали у некоторых групп, имитатора межпланетного корабля, создание «матерной атмосферы», т.е. юморной «матерной речи», но не обценных выражений. Была выявлена тенденция снижения многих негативных симптомов стресса-кинетоза у групп экипажа, которые нецензурно выражались, по сравнению с другой половиной, которая от этого отказалась.

Однако при очень тяжелых формах кинетоза (многократная изнуряющая рвота, головная боль, чувство мучительной тяжести в эпигастрии, депрессивный дискомфорт и т. д.) склонность к брани сексуального характера, не способствовала улучшению состояния испытуемых, а местами усиливала негативный эффект.

Изучение эротических аспектов влияния на здоровье испытуемых, врачи продолжили в травматологическом отделении Института имени Склифосовского. Там было замечено, что в некоторых палатах, раны у больных заживают в несколько раз быстрее, чем в других. Благодаря этим исследованиям, обнаружили, что раны затягивались, а кости срастались быстрее, в палатах, в которых была слышна бранная речь с утра и до вечера. Такие палаты включали в себя как людей "рабочей" профессии, так и высокоэрудированных. А в палатах, где лежали люди отказавшиеся от нецензурной лексики, процесс заживления шел в разы медленнее.

Ответом на данное заключение считается то, что при употреблении нецензурной лексики с эротическим наклоном, способствует выделению мужских половых гормонов - андрогенов. Они являются мощными противниками (антагонистами) вызывающих воспаление гормонов, кроме того, андрогены ускоряют восстановление (регенерацию) тканей.

Рассмотрим пример того, как матерная речь участвовала в излечении пациентов травм пунктов. В шестиместной палате травматологии было только одиннадцать тонких одеял. И вновь прибывшему пострадавшему досталось только одно. Под одним одеялом зимой было холодно. В этот момент с "новичком" начинали развиваться драматические события. Один из выздоравливающих пациентов кричал нечто следующее:

«Что же вы, такие-растакие, всех вас раз-так, раз-этак, парням заморозить хотите! Вот ты, - обращался он к одному из больных, - здоровый тра-та-такой, отдавай одеяло для нового, тра-та-та его!»

В результате такого бранного монолога, вновь прибывший чувствовал, что его приняли в мужскую компанию, заботятся о нем, а нецензурная лексика являлась подпиткой эмоций, которая мобилизовала его андрогены.

После трех недель, роль "защитника" уже играл бывший новичок. Когда привезли нового травмированного юношу, который упал на стройке дома, с высоты второго этажа, врачам не удавалось вывести пострадавшего из шока. "Защитник", яро споривший со своими соседями по палате, накрыл юношу вторым одеялом. До "новичка" начало доходить, что именно из за него начался этот скандал с другими пациентами. Когда он начал приходить в себя от происходящего, в палате прозвучало:

«- Смотрите-ка, кудрявого привезли! Здоровенного. Он тут всех медсестер тра-та-та...»

Люди находившиеся в палате начали громко смеяться. А молодой человек лишь слегка улыбнулся. В этот моменты зашла медсестра и предупредила вновь прибывшего о том, что скоро к нему явятся инженеры по технике безопасности, с его работы. Один из выздоравливающих, радостно заговорил:

- Если б ты, парень, такой-растакой, долетел бы с твоего двенадцатого этажа до низа, то твои техники безопасности, так их-растак, долго бы тебя от асфальта отскребали.

Палата разразилась смехом. Вошедшие инженеры по безопасности, подавленные своей ответственностью перед молодым человеком, услышали от него следующее:

- Если бы я долетел до низа, то вы бы долго от асфальта меня отскребали, так вас растак.»

Смех всех находившихся в палате пациентов, сотряс стены. Из соседних палат начали заглядывать другие люди и присоединяться к данному процессу.

Пострадавший молодой человек, неожиданно выдвигается на роль победителя в рабочей сфере и социально-принятым среди больничного окружения. кой речью. До сознания юноши стало доходить, его значимость мужских качеств, благодаря возможности выразаться матом среди всех находящихся вместе с ним пациентов. А это является самым мощным восстановителем психологического комфорта. Андрогены, укрепляя его внутренние силы, уменьшая страдание, ускоренно помогали лечить полученную травму.

Жены, подруги, матери, которые посещали пациентов в палатах, где употреблялась бранная речь, чувствовали себя как "не в своей тарелке", хотя при них в этот момент никто бранно не выражался. Все женщины в голос говорили одно и то же: "Что здесь за компания? Куда ты попал? С тобой невозможно общаться!" - и старались поскорей удалиться из палаты.

На женщин мат воздействует иначе. В их случае, он так же способствует выработке андрогенов, но у здоровой женщины андрогенов не должно быть выше нормы. Косметологи обратили свой взгляд на то, что у женщин или девушек из компаний, в которых мат - является повседневным способом выражения своих эмоций, тело обрастает волосами и начинает, как у подростков, ломаться голос. Если мужчина не хочет причинить девушке или женщине вред, то при них нельзя ругаться матом потому, что бранная речь им вредна, провоцируя гормональные нарушения в организме. Особенно опасно выражаться таким способом, в подростковом возрасте. Сексуально-скабрезные

ругательства пагубно влияют на растущий детский организм и становление неокрепшей психики ребенка.

Что касается мужчин, то употребление мата в повседневной жизни, при любых обстоятельствах, - то же самое, что и превращать свою жизнь и жизни окружающих тебя людей в больничную палату им. Склифосовского.

Интересен и случай в Аргунском ущелье, который произошёл в 2000 году с российскими солдатами. После многосуточного боя рота солдат была измождена и обессилена. В течение пятнадцати минут солдаты исполняли матерные частушки, которые развеселили солдат и подняли их боевой дух (рекреативный эффект).

Стоит обратить внимание и на гендерную специфику матерной речи. Как правило. У древних народов (алтайских, индийский и англо-саксонских) было чёткое разделение на мужские и женские выражения. Русский мат же принято считать прежде всего мужской грубой лексикой, которая обладает психологическим и физиологическим воздействием.

Сравнивают матерную речь принято сравнивать и с дзен-буддистскими диалогами. Только мат обладает скорее большим воздействием на гормональный фон человека: стимулирует выброс андрогенов и нейтрализует «гормоны стресса» кортикостероиды.

а. Феномен использования мата человеком.

«Матерную атмосферу» классифицируют по типам происхождения следующим образом:

1. Повседневная – у тех, кто пользовался ей раньше;
2. Продукт сексуальной озабоченности;
3. Психосексуальная недоразвитость речи;
4. Реминисцентная матерная речь у больных;
5. Конформистски-подстраивающийся мат у людей, которые оказались на нижней ступени социального статуса;
6. Демонстративная речь у тех, кто обычно мат не употребляет, как признак снижения сексуальной потенции.
7. Командный акт как проявление доминирования в стаде среди других особей мужского пола;
8. Мат вследствие скудности словарного запаса.

б. Эмоциональная окраска мата.

Эмоциональная окраска мата тоже может быть различной:

1. Радостно-смешливая и боевито-задорная (оздоравливающая мужская лихость как принадлежность «Я» освободилась от давления «сверх-Я»);
2. Агрессивно-защитная речь была признаком слабости и неуверенности в себе;
3. Междометийный мат как процесс подыскивания нужных слов;
4. Эхоталийный мат как спонтанный повтор дебилами вслед за чьим-либо произнесением скабрёзности.

Распространению мата способствует не отсутствие должного уровня культуры, а официальный запрет. Запретный плод сладок. Данное высказывание особенно характерно относительно людей, которые только начинают входить в социум в качестве самостоятельных единиц. Для подростков употребление мата является неким способом приобщения к обществу взрослых людей, обладающих «законным» правом ругаться, в отличие от молодых. С другой стороны, мощнейший потенциал словообразования позволяет людям свободно варьировать терминами и понятиями, не выходя за рамки цензурной брани, выражать любые эмоции и описывать любые ситуации:

«-Ну, хули ты?»

- Да ни хуя!

- А хули делать-то будем?

- Да и хуй с ним!

- Ни хуя себе! Этож пиздец полный!

- Нихуя, прорвёся!»

Интересен похожий случай, который произошел с известным лингвистом А.А. Зализняком и который был описан А.К. Жолковским. А.А. Зализняк на своём автомобиле разворачивался перед гуманитарным факультетом МГУ и практически столкнулся с самосвалом, шофёр самосвала, высунувшись из кабины, начал орать нецензурные выражения, которые в последствие были описаны Зализняком, как фраза: «О, неосторожный незнакомец! Пожалуй, следовало бы наказать тебя ударом по лицу...» Как заметил Зализняков, всё богатство значений «неосторожный», «наказать», «удар», «лицо» было передано с помощью трёх однозначных слов, которые были образованы только от одного корня. Задача имеет одно решение. (Жолковский А., 2000, с.64)

Материал взят из статьи Л. А. Китаев-Смык. Сексуально-вербальная защита и агрессия. (Матерная речь и матерная ругань) Речевая агрессия в современной культуре. Сб. науч. тр. Челябинск, 2005, с. 17-21.

Глава 4. Практическая часть.

В качестве практической части своего диплома я решил коснуться темы употребления нецензурных выражений в классической литературе двух исследуемых языков. На мой взгляд, классическая литература является наилучшим контекстом для исследования, так как:

Во-первых, классиков русской и чешской литературы сложно обвинить в недостаточном словарном запасе, а, следовательно, мат в их произведениях находится там, где никакого другого слова быть не может и не должно.

Во-вторых, употребление мата в литературе придаёт ему максимально возможную художественную ценность.

4.1. Анализ произведений А.С. Пушкина.

Для начала обратимся к произведениям Александра Сергеевича Пушкина, который, несмотря на всю свою интеллигентность и происхождение, употреблял в своих стихах нецензурную речь в достаточных количествах. Стоит сказать, что царская цензура не допускала к выходу в печать его произведения, содержащие мат, все скабрёзные слова редактировались, и в свет всегда выходила более удобоваримая версия. Сам автор очень сожалел о наличии подобной цензуры, об этом говорит нам его письмо, которое он писал П.Л. Вяземскому 2 января 1831 года, в котором Пушкин пишет: «Все это прекрасно; одного жаль - в «Борисе» моем выпущены народные сцены, да матерщина французская и отечественная...». Александр Сергеевич стремился очистить образ русского мата и говорил: «Коли уж ты пришел в кабак, то не прогневайся - какова компания, таков и разговор, ..А если ты будешь молчать с человеком, который с тобой разговаривает, то это с твоей стороны обида и гордость, недостойная доброго христианина» (Писатели, известные у нас под именем аристократов).

Начать разбор пушкинского мата стоит с его эпиграммы, написанной в промежутке между 1817 и 1820 годом:

*«Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель,
И совета он учитель,
А царю он друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести,
Бляди грошевой солдат»*

Данное послание адресовано А.А. Аракчееву и является выражением крайней степени недовольства политикой, которую проводил адресат. «Блядью грошевой» Пушкин называет Настасью Минкину, жену Аракчеева, которая отличалась особой жестокостью в обращении со своими крепостными, за что впоследствии была ими убита.

В приведённом выше случае слово «блядь» является ничем иным, как прямым оскорблением (пейоративом). В данном случае оскорблением является не только сам пейоратив, дополнительную оскорбительную экспрессивную окраску придаёт прилагательное «грошевой», которое определяет жену Аракчеева не только как легкодоступную женщину, но и обозначает крайнюю степень её дешевизны, подчёркивая тем самым неуважение, которое стремился выразить Пушкин к ней и непосредственно к Аракчееву.

Как уже сказано выше, творчество Александра Сергеевича подвергалось жёсткой цензуре, до наших дней дошли не многие его произведения, содержащие нецензурную лексику. Одним из самых его знаменитых произведений на данную тему является его поэма «Тень Баркова», которую он написал в ранние годы жизни. Поэма является

посвящением русскому поэту Ивану Семёновичу Баркову, который писал эротические «срамные оды», чем и был славен в своё время.

«Тень Баркова» повествует нам о призраке И. Баркова, который явился к священнослужителю и помог ему избавиться от импотенции, заодно наградив его возможностью красиво петь. Поэма изобилует ненормативной лексикой, описанием половых актов и разного рода «пахабщиной» и «пошлостями». Поэма содержит в себе ругательства практически в каждой строчке, так что я мог бы полностью включить её в свою работу, однако этого я делать не стану и сосредоточусь на конкретных цитатах из произведения, которые показались мне наиболее интересными.

- 1) *«Всяк, пунишу осушив бокал,
Лёг с **блядью** молодою
И на постели откатал
Горячею елдою»*

В данном четверостишии слово «блядь» является прямым синонимом слову «проститутка», не являясь прямым оскорблением, передаёт нам некую оценочную характеристику нравственных качеств женщины-адресата.

- 2) *«О землемер и **пизд** и **жоп**,
Блядун трудолюбивый,
Хвала тебе, расстрига поп,
Приапа жрец ретивый»*

Здесь в четырёх строчка присутствует два матерных слова: «пизд» (родительный падеж множественного числа слова «пизда»), «блядун».

Отдельно остановиться хочется на слове «блядун», которое в цензурном варианте звучало бы, как «развратник», «распутник» или «повеса». Оно так же, как и слово «блядь» в предыдущем примере, является оценочной характеристикой нравственных качеств мужчины-адресата, однако интересно, что в данном конкретном контексте несёт в себе положительную характеристику адресата. Пушкин определённо хвалит адресата, называя его «блядун трудолюбивы», выражая некое почтение персонажу и отмечая его умение соблазнять женщин.

- 3) *«Он видит – в ветхом сюртуке
С спущёнными штанами,
С **хуиной** толстою в руке,
С отвисшими мудами
Явилась тень...»*

Данная сцена описывает появление той самой тени Баркова священнослужителю. Два слова здесь являются нецензурными: слово «мудами» (творительный падеж множественно числа слова «муда») и слово «хуина», на котором хочется остановиться отдельно. Отметим хочется способ образования этого слова: к основе -хуй- добавляется суффикс -ин-, что делает из обычного ругательства аугментатив, который обладает увеличительно-усиливающим эффектом. Данный эффект определённо подчёркивает определённое свойство обозначаемого предмета, конкретно – размер, в связи с чем, данное ругательство получает некоторые свойства эпитета.

- 4) *«По чтож, **ебёна мать**, забыл
Ты мне в беде молиться?»*

Фразу «ебёна мать» в данном случае следует рассматривать, не как оскорбление матери, а как абсолютно пустую, нейтральную вводную конструкцию. С точки зрения классификации вводных матерных конструкций её можно воспринимать в качестве выражения возмущения произносящего. Однако, на мой взгляд, вполне справедливой

является гипотеза, что Пушкин вставил эту фразу в предложение, стремясь сохранить стихотворный размер произведения, и использовал её без определённого значения.

- 5) *«Ты видишь, продолжал Барков,
Я вмиг тебя избавил;
Но слушай: изо всех певцов
Никто меня не славил!
Никто! — Так **мать же их в пизду!**
Хвалы мне их не нужны.
Лишь от тебя услуг я жду:
Пиши в часы досужны.*

Индифферентив «мать же их в пизду» является ярким примером фразы с контекстуально зависимой семантикой. Среди общей совокупности значений в данном случае можно выделить некое ментальное отстранение адресанта от адресата, справедливым и наиболее близким синонимом здесь является фраза «чёрт с ними».

- 6) *«И бабы и **хуиный** пол
Дрожь ему внимали,
И даже перед ним подол
Девчонки подымали»*

Снова хочется отметить словообразование данного ругательства, которое ни чем не отличается от аугментатива «хуина», однако на этот раз после добавления суффикса -ин- к основе -хуй- на выходе получается прилагательное. Читая «Тень Баркова» я впервые столкнулся с данным словом, которое является, по сути, уникальным, существующим в единственном экземпляре конкретно в этом произведении Пушкина.

- 7) *«Уж ночь с **ебливою** луной
На небо наступала»*

Семантика пейоратива «ебливая», скорее всего, колеблется между значениями «проклятая» и «надоевшая». Данное прилагательное тоже в определённом смысле уникально, так как в большинстве случаев в идентичном значении используется слово «ебаный/ёбаный». Стоит отметить отсутствие какой-либо иллокутивной силы данного высказывания, так как направлено оно к неодушевлённому предмету.

- 8) *«Кляни **заёбины** отца
И матери прореху»*

Пейоратив «заёбины», скорее всего, обозначают семенную жидкость. Данное слово тоже является придуманным Пушкиным ругательством, которое существует только в произведении.

4.2. Анализ книги Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка»

Для изучения употребления чешского мата я решил разобрать одну из самых известных чешских книг: «Похождения бравого солдата Швейка». Книга полна описания чешского быта времён Первой Мировой войны. Ярослав Гашек, безусловно, стремился показать простых людей такими, какие они есть. Очевидно, что нецензурная речь, которую Гашек вложил в уста героев, служит для создания более живых и точных образов и характеров персонажей. Далее я более подробно разберу цитаты из книги, содержащие нецензурную речь.

1) *Ale dopadli ho ve Vodňanech a tak mu rozsekali **prdel**, že z ní cáry lítaly.*

В данном предложении слово «prdel» употребляется в прямом значении. Фраза «rozseknot prdel» означает наказание, которому подвергались дезертиры во время войны: их высекали. Матерное слово здесь используется для придания большей экспрессии повествованию.

2) *A měl ten pan rytmistr na Kladně těch svejch psích učeníků plnou **prdel**.*

В этом предложении фраза «mit plnou prdel» обозначает описание фиаско, в которое попал персонаж. Если бы я переводил это предложение с учётом семантических свойств данной фразы, то, скорее всего, я бы перевёл её как «пиздец».

3) *Vrchní polní kurát **prděl** a krkal na lavici a hřmotně zíval na celé kolo.*

В данном предложении слово «prdět» выражает проявления метеоризма у героя книги, фельдкурата Отто Каца, данный персонаж являет собой комично-уничижительный образ австрийского офицера, и, на мой взгляд, подобное слово используется для усиления этого комичного образа. В русском языке существует омоним этого слова – «пердеть».

4) *Holky byly setsakra fešandy, takový lejtkař a **prdelatý**, stehnatý a vokatý, a jak se na ně ti maďarští pacholci mačkali, bylo vidět, že ty holky mají plný, tvrdý prsa jako pŕlmíče a že jim to dělá moc dobře a že se vyznaří v tlačeníci.*

Здесь приводится описание внешности девушек. Прилагательное «prdelatý» характеризует размеры тазобедренной области описываемых персонажей. На русский язык данное слово можно перевести с помощью слова «жопастый», которое является омонимом.

5) *Švejku, ježišmarjá, himlhergot, já vás zastřelím, vy hovado, vy dobytku, **vy vole, vy hajzle** jeden.*

Слово «vole» в сочетании с местоимением «vy» в данном примере не является ни вводной конструкцией, ни обращением, а обычным оскорблением, которое выражает степень умственного развития адресата. На русский язык можно перевести с помощью слова «баран».

Слово «hajzl» в чешском языке имеет сразу несколько значений. В данном конкретном случае оно имеет значение «сволочь», «нехороший человек».

Гашек вкладывает нецензурные слова в речь фельдкурата матерные слова с целью придания ему образа глуповатого человека, которому чужда культурная речь.

6) *Napoleon se u Waterloo vopozdil vo pět minut, a **byl v hajzlu** s celou svou slávou...“*

«Byl v hajzlu» означает «попасть в неприятности». Обсценный словооборот используется для придания более экспрессивной окраски событию, которое произошло с Наполеоном в битве при Ватерлоо. Этот словооборот характеризует степень фиаско, которое потерпел французский император и полководец. Вынужденный отречься от престола после этого поражения, Наполеон провёл остаток дней на Острова Святой Елены в плену у Англичан. На русском языке эта степень фиаско характеризуется словом

«пиздец». Однако «пиздец» не является прямым переводом фразы «byť v hajzlu», а лишь фразой, которая более точно отражает её суть. Для перевода следует использовать словосочетание «случился пиздец».

7) Člověk by chtěl být gigantem, a **je hovno**, kamaráde.

Слово «hovno» в данном примере является метафорой, выражающей такие характеристики, как «неудачник», «ничтожество», «жалкий человек». Используется в предложении автором в качестве слова для придания большей эмоциональности сказанному.

8) *Kadet, fénrich, lajtnant, obrlajtnant. Naseru jim!*

Фраза «Naseru jim!» обладает сугубо контекстуальным значением, однако и может переводиться буквально в значении «сходить в туалет по большому». В данном же конкретном случае возможен перевод «подпорчу им жизнь», «устрою неприятности», «разозлю», «заставлю понервничать». В русском языке есть фраза «поднасрать», которая больше всего подходит для перевода разбираемого слова.

9) *„Tady kdysi visel obraz císaře pána,“ ozval se opět po chvíli, „právě tam, kde teď visí zrcadlo.“*

„Jó, to mají pravdu,“ odpověděl pan Palivec, „visel tam a sraly na něj mouchy, tak jsem ho dal na půdu. To víte, ještě by si někdo mohl dovolit nějakou poznámku a mohly by být z toho nepříjemnosti. Copak to potřebuju?“

Выражение «на него срали мухи» используется в отношении изображения королевской крови. Данный словооборот выражает степень крайнего неуважения и презрения к австрийской короне человека, который произносит эту фразу. Портрет австрийского принца как бы сравнивается с фекалиями, на которые слетаются мухи. Тем более, по словам говорящего, мухи сами использовали портрет августейшей особы в качестве туалета.

5. Вывод.

Подводя итоги своей работы, я хочу вернуться к изначально поставленным тезисам.

- 1) В начале своей работы я предположил, что русский мат более разнообразен с точки зрения словообразования, в то время, как чешский мат шире семантически. Могу с уверенностью утверждать, что данная гипотеза правдива. Так как, составляя классификацию выражений, я столкнулся с огромным количеством русской брани, образованной с помощью разных морфем. Отмечу, что каждое матерное слово при этом имеет узкое значение и может быть применено только для описания конкретной ситуации или явлению. Чешская же брань более скудна в этом плане, однако я заметил, что одно и то же выражение может обладать сразу несколькими функциями, в зависимости от контекста, говорящего или обстоятельств.
- 2) Предположение об общем, праславянском, происхождении чешской и русской брани также вполне обосновано. Однако сильного влияния немецкого языка я не заметил. Отмечу, что влияние немецкого языка выражается в основном на том, какие именно слова считаются матерными. В чешском мате преобладает Scheiss-культура выражений. При сравнении двух матерных языков наблюдается определённая тенденция некой диаметральнойности. Диаметральность выражается в том, что те слова, которые в русском языке считаются матерными, в чешском языке переходят в разряд просто грубой речи; и наоборот - все те слова, на которые в чешском языке существует строгое табу, в России являются разговорными или просто грубыми словами.
- 3) Оказалось, что матерная речь действительно обладает некими «целительными» функциями. Употребляя её, человек стимулирует выработку гормонов, способствующих более скорому выздоровлению, однако данная тенденция наблюдается только у мужчин.

Rezumé.

Hlavním cílem této bakalářské práce je potvrdit důležitost znání ruských a českých neslušných slov a jejich správného užití při komunikaci a tím zabránit nedorozuměním. Práce tedy má čtyři části, první tři části jsou teoretické a věnuje etymologie, klasifikace a funkce neslušných slov.

Teoretická část bakalářské práce je věnována základním pojmům jako lexikologie, morfosyntax, polysémie, homonymie.

Praktická část se zabývá sémantikou neslušných slov v literatuře. Tato část obsahuje analýzu děl ruských a českých spisovatelů. Cílem je pochopit sémantiku použití neslušných slov v literatuře.

Список литературы:

- Český etymologický slovník, Jiří Rejzek. – Vyd. 1. – Voznice: Leda, 2001.
- Dreizin F. and T. Priestly. A systematic approach to Russian obscene language - Russian Linguistics 6, 1982, p. 233-249.
- Etymologický slovník jazyka českého', Václav Machek. – Fotoreprint 3. vyd. z roku 1971. – Praha: NLN, Nakladatelství Lidové noviny, 1997
- Falowski, A. "Ein Rusch Boech.." rosyjsko-niemiecki anonimowy slownik i rozmowki я XVI wieku. Analiza jezykowa.-Krakow. 1996, s. 87.
- Falowski, A. "Ein Rusch Boech.." Ein Russisch-Deutsches anonymes Worter - und Gesprächsbuch aus dem XVI Jarhundert. - Koln, Weimar, Wien, 1994, p. 33.
- Hocheľ, V. Slovník clovenskeho slangu. - Bratislava, 1993, s. 91.
- Slovník gornoluzycycki Abrahama Frenela (1693-1696). Opracowal St. Stachowski. - Wroslaw etc., 1978, s. 44.
- Volkel, P. Prawopisny slownik hornjoserbskeje řeče. - Budysin, 1981, s.145.
- Ангелова-Атанасова М. Топонимия на Горнооряховско. - Велико Търново, 1996.-С. 338.
- Балкански Т. Западнородопските власи: Етнос. Етнонимия. Ономастика. Велико Търново, 1996.,-С. 36-37.
- Богдаповић Н. И ја теби. Избор из псовачке фразологије. - Ниш, 1998. С.18, 19,24.
- Брандт Р. Кое-что о нескольких словах // Русский филологический вестник, 1915.-№3/4.-С. 355
- Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. - М., 1990. - С.83.
- В. Михайлин. Русский мат как мужской обценный код: Проблема происхождения и эволюция статуса. Михайлин В. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. - М.: НЛЮ, 2005, с. 331-360. <http://ec-dejavu.ru/m-2/Mat-2.html>
- Г.Ф. Ковалев. РУССКИЙ МАТ - СЛЕДСТВИЕ УНИЧТОЖЕНИЯ ТАБУ. Культурные табу и их влияние на результат коммуникации: сб. науч. трудов. - Воронеж: ВГУ, 2005, с. 184-197. <http://ec-dejavu.ru/m/Mat.html#kovalev>
- Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. - М., 1998.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - С.-Пб.-М., 1909.-Т.4.- Ст. 1244.
- Жолковский А. Мемуарные виньетки и другие non-fictions. - СПб., 2000. - С.64.
- Зеленин Д.К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии. -Л., 1930. -Вып. IX.
- Иванов В.В. Собр. соч. к 8 т - М., 1978. - Т.8. - С. 470.
- Ильина Н.И. Дороги и судьбы. - М., 1991.
- Колесов В.В. Язык города. - М., 1991.
- Корягин С.В. Непристойные фамилии у донского казачества//Летопись историко-родословного общества в Москве, 1997. -№4-5.
- Л. А. Китаев-Смык. Сексуально-вербальная защита и агрессия. (Матерная речь и матерная ругань) Речевая агрессия в современной культуре. Сб. науч. тр. Челябинск, 2005, с. 17-21. <http://ec-dejavu.ru/m/Mat.html#kovalev>
- Липняцкая Е. Эти странные поляки. М., 2001. - С. 68.
- Лотман Ю.М. Не-мемуары //Лотмановский сборник. М., 1995. вып.1, с.14.
- Михайлин В.Ю. Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюции статуса //Новое литературное обозрение, 2000, №43.
- Мокиенко В.М. Словарь русской бранной лексики (матизмы, обценизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями). Berlin, Dieter Lenz Verlag, 1995, XXV + 151 S.
- Розанон В.В. Уединенное. - М., 2(М)2. - С. 92.
- Успенский Б.А.Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А.. Избранные труды. В 3 т. М., 1996, т.2. Язык и культура.
- Успенский Б. А. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии - Структура текста, М., 1981.
- Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (Статья первая) - Studia Slavica Hungarica XXIX, 1983, с. 33-69.
- Шигарева Ю. Мат - слова священные // Аргументы и факты, 1999. №38. с. 19.
- Шигарева Ю., Изгаршин И. Мат в искусстве: ну и фуй с ним... //Аргументы и факты, 2002. - №30. - С. 19.
- Ю. И. Левин. ОБ ОБСЦЕННЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА. (Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. - М., 1998. - С. 809-819)
- ЭССЯ - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. - М., 1981. - Вып. 8. -С. 114

Приложения:

А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 1. Стихотворения 1814–1822.

«Тень Баркова» Реконструкция текста М.А. Цялковского. «Языки славянской культуры» 2002. ISBN5-7859-0192-7

Jaroslav Hašek Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války. Městská knihovna v Praze Mariánské nám. 1, 115 72 Praha 1